

ЖАННА СЛАДКЕВИЧ
Гданьский университет

АБСУРД КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ АБЕРРАЦИОННОГО МЕДИАИМИДЖА В РАМКАХ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ

Вопрос, который ставит меня в тупик:
сумасшедший я или все вокруг меня?
Альберт Эйнштейн

Подлинные новаторы! Их новый бред
ничем не напоминает прошлогодний.
Станислав Ежи Лец

Безумие — это всегда смысл,
разбитый вдребезги.
Поль Мишель Фуко

В последнее время медиально-политический дискурс все чаще характеризуется в категориях аберрации¹. Так, Ольга Савинова отмечает общую аберрацию функций СМИ: информационной (внимание адресата фокусируется на информации о скандалах, криминальных происшествиях, жизни «звезд» и курьезах), ценностно-ориентационной (тиражирование в СМИ низких стандартов культуры, нагнетание ксенофобии), гипертрофированность функции релаксации, обеднение жанрового разнообразия в современных изданиях².

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта (Калининград).

² О.Н. Савинова, *Трансформация медиасистемы в современных условиях: к вопросу аберрации функций СМИ* // «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2008, № 1, с. 199–200.

Помимо прямого значения, в котором термин абберация (лат. aberratio, от ab — ‘от’ и errare — ‘блуждать, уклоняться’) употребляется в сфере медицины, астрономии или оптики, лексема приобрела переносное значение, определяемое как ‘заблуждение, отклонение от нормы, от истины, ошибка в ходе мысли’³. Явление абберации многогранно и может быть предметом изучения специалистов разных научных дисциплин. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать клиническую речевую абберацию⁴, являющуюся одним из проявлений психических заболеваний (шизофрения, паранойя), поражения участков головного мозга (афазия) и др. В связи с ограничениями объема статьи вне поля нашего анализа останутся случаи спонтанного эффекта абберации, возникающего вследствие низкой языковой компетенции говорящего либо в условиях дефицита времени и высокого эмоционального напряжения говорящего (*belkot inferencyjny* / «инференционная тарабарщина» в классификации Александра Киклевича)⁵, например, знаменитые черномырдизмы (речевые обороты российского политика Виктора Черномырдина, ставших народным фольклором) или «ляпы» спортивных комментаторов: *Noga ma większe możliwości manualne niż ręka; A bramkarz ukrył ręce w dłoniach; Nóż na gardle wiązał nam wtedy nogi; Арбитр достал из штанов удаление; Левая — это хорошо повернутая правая*⁶ и т.п.

³ Л.П. Крысин, *Толковый словарь иностранных слов*, Русский язык, Москва 1998, https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1705/%D0%90%D0%91%D0%95%D0%A0%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (10.05.2018).

⁴ См. об этом: Т. Woźniak, *Narracja w schizofrenii*, UMCS, Lublin 2005; А. Kiklewicz, *Belkot w komunikacji: próba klasyfikacji zjawisk* // P. Lewiński (red.), *Belkot, czyli mowa ludzka pozbawiona sensu. Komunikacyjna funkcja wypowiedzi niejasnych*, Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, Olsztyn 2015, s. 13–14; Д.А. Смирнова, Е.А. Слоева, *К вопросу о нарушениях мышления, речи и коммуникаций при шизофрении* // «Психиатрия и психофармакотерапия» 2016, № 18 (3), с. 44–48.

⁵ А. Kiklewicz, *Belkot w komunikacji...*, s. 14.

⁶ Более подробно этот тип абберационного контента публичного дискурса рассмотрен нами в статье *Я НИЧЕГО ГОВОРИТЬ НЕ БУДУ, А ТО ОПЯТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ СКАЖУ: абберационный контент публичного дискурса в ракурсе смыслопорождения (категории осмысленности и бессмысленности)* // Ż. Śladkiewicz, А. Klimkiewicz (red.), *Perswazja językowa w różnych dyskursach*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2019 (w druku).

К подобным афористичным высказываниям примыкают малые жанровые формы, построенные на концептуальном диссонансе с целью вызвать комический эффект у адресата — армеизмы, абсурдные анекдоты, прикольные афоризмы, детские считалочки и стишки (*bełkot ludyczny* / «игровая тарабарщина», по Киклевичу⁷). Борис Норман отмечает, что языковая игра, основанная на несоблюдении логических правил, заложена глубоко в народном сознании и широко представлена в фольклоре — поговорках, загадках, прибаутках, перевертышах⁸, например: *Ум за разум заходит (у кого)*; *Позавидовал лысый плешивому*; *Mów większymi literami, bo nic nie słyhać; Na jaki temat pomilczymy?* Смеховой эффект в подобного рода текстах вызван разрывом понятийно-смысловой связи и нарушении логических оснований разного порядка⁹.

Один из сегментов аберрационного дискурса занимают контрфактические заявления, спровоцированные неподготовленностью выступающего и в силу своей аномальности имплицитующие обширный респонсивный контент в смеховом ключе. Речь идет об индексальных фразах с гипертрофированной дейктичностью¹⁰, которые не содержат глубокого суждения и выполняют сугубо отсылочную функцию. Как пример такого текста приведу знаменитое утверждение Черномырдина, сделанное, когда он был послом Российской Федерации на Украине: «Россия — это континент, и нам нельзя тут нас упрекать в чём-то». На попытки журналистов возразить, что на одном континенте с Россией есть и другие страны, например, Китай, Черномырдин ответил: «А при чём здесь Китай? Китай — не континент» («Итоги» 2000, № 46 [232]).

Еще более резонансным стало заявление главы МИД Польши Витольда Ващиковского после возвращения с Совета Безопасности ООН 10 января 2017 года. Министр упомянул о встрече с дипломатами разных государств, в т.ч. Сан Эскобара. Данное высказывание широко комментировалось в Польше и за грани-

⁷ A. Kikiewicz, *Bełkot w komunikacji...*, с. 17.

⁸ Б.Ю. Норман, *Игра на гранях языка*, Флинта: Наука, Москва 2012, с. 154.

⁹ Подробнее: Ж.Р. Сладкевич, *Алогизм как основа комизма в малых жанрах абсурдного дискурса* // В.Н. Скворцов (ред.) *Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст*, ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург 2015, с. 290–298.

¹⁰ См. подробнее: Е.И. Шейгал, *Семиотика культуры и политическая афористика*, <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/9406-1.php>

цей («The New York Times», BBC, «The Washington Post»), стало мемом и спровоцировало волну сетевого креатива на тему Сан Эскобара, а сам Ващиковский стал победителем номинации «Серебряные уста»¹¹ в 2017 году.

Рис. 1, <http://www.kurierlubelski.pl/styl-zycia/g/san-escobar-internauci-tworza-memu,11680864,22220228/>

Рис. 2, <http://www.frazpc.pl/index.php/b/335054>

Аберрация во всех вышеуказанных примерах является результатом нарушения принципа кооперации Поля Грайса, прежде всего максимы качества информации и релевантности¹². Со смысловыми аномалиями соотносится распространенное в русскоязычном научном обиходе понятие языкового абсурда, определяемое Оксаной Кравченко как «реакция на несоответствие мирового устройства принципам рациональности и законам всеобщей гармонии»¹³. В аберрационном дискурсе изначально присутствует какой-то парадокс, нарушение на любом уровне (семантическом, логическом, грамматическом, фонетическом), создающее ощущение ненормальности и имеющее характер языковой манифестации, поскольку «человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает ано-

¹¹ «Серебряные уста» — плебисцит третьего канала польского радио, с 1992 года награждающий общественных деятелей за нестандартные высказывания.

¹² P.H. Grice, *Logika a konwersacja*, пер. B. Stanosz // B. Stanosz (ред.), *Język w świetle nauki*, Czytelnik, Warszawa 1980.

¹³ О.В. Кравченко, *К вопросу об определении понятия «лингвистический абсурд»* // С.Г. Никлолаев, А.И. Моранович (ред.), *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты*, Логос, Ростов-на-Дону 2007, Вып. I, с. 88.

мальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном»¹⁴.

В этой связи подробнее рассмотрим целенаправленное конструирование аберрационного медиаимиджа политического субъекта в контексте реализации глобального коммуникативного намерения.

Одним из фундаментальных положений коммуникативистики является интенциональность речевой деятельности. Отправной точкой в коммуникативной грамматике является блок интенций, который определяет намерение вербализовать конкретный контент, то есть когнитивную мотивацию. Этот контент в исходной форме существует в сознании говорящего в виде двухчастного когнитивного представления, состоящего из идеационного образа, отражающего конкретный фрагмент реальности (*что* говорящий хочет сказать) и прагматического намерения, которое собирается осуществить говорящий (*зачем* он это говорит). Формы и способы вербализации идеационного контента с учетом коммуникативного намерения адресанта раскрываются на текстовом уровне¹⁵.

Фундаментальной целью автора медиально-политического текста является не детальное изложение текущих событий, а убеждение массового адресата, корректировка его интенций и аксиологических ориентиров, в итоге — побуждение к действию¹⁶. Иными словами, политическая коммуникация характеризуется множественностью референции с ярко выраженной модальностным планом, обусловленностью семантических характеристик прагматическими целями, доминированием прескрипции над дескрипцией. Коммуникативная интенция осу-

¹⁴ Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, Языки русской культуры, Москва 1999, с. 76.

¹⁵ А. Аwdziejew, G. Habrajska, *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*, т. 1, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2004, с. 28; G. Habrajska, *Nakłanianie, perswazja, manipulacja językowa*, „Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Polonica” 2005, № 7/2, с. 96.

¹⁶ В.З. Демьянков, *Политический дискурс как предмет политологической филологии*, «Политическая наука» 2002, № 3, с. 38; Н.И. Клущина, *Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 — 2008 гг.)*, автореф. дис. д-ра филол. наук, Москва 2008, с. 27.

ществляется через индивидуальную и социальную оценочность, выбор номинации и стилистической тональности текста, что детерминирует однозначное понимание адресатом основной идеи текста и ее «присвоение», т.е. встраивание заданного автором мировидения в индивидуальную концептуальную картину мира реципиента¹⁷. Общие коммуникативные цели медиально-политического дискурса определяет осуществление социальной власти, управление умонастроениями широких масс, что в свою очередь проецирует коммуникативные стратегии и тактики. Все содержание политической коммуникации Елена Шейгал сводит к трем основным составляющим: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность)»¹⁸.

В этой связи стратегия дискредитации может быть рассмотрена в рамках глобальной стратегии речевого воздействия, которую можно обозначить как «игру на понижение» (*downplay*, по Чарльзу Ларсену¹⁹), обусловленную агональным характером политической коммуникации. Цель стратегии дискредитации — подорвать авторитет дискредитируемого объекта, вызвать сомнение в его компетенции и положительных качествах, унизить его, очернить, опорочить в глазах адресата. Одним из способов депрециации и общего «снижения» медиа-образа идеологического оппонента, его компетентности и профессионализма является представление противника в ракурсе аберрации.

1. Само упоминание об отклонении от нормы мышления, логики здравого рассудка или прямая констатация аберрации сознания реферируемого политического субъекта обладает высоким дискредитирующим потенциалом:

Дмитрий Медведев: «Мне, например, очень грустно, что президент Обама, выступая с трибуны Организации Объединённых Наций и перечисляя

¹⁷ Ж. Сладкевич, *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2013, с. 121–122.

¹⁸ Е.И. Шейгал, *Власть как концепт и категория дискурса*, <http://www.inkat.ru/90736-vlast-kak-koncept-i-kategorija-diskursa/2> (20.06.2018); см.: А.П. Чудинов, *Дискурсивные характеристики политической коммуникации*, «Политическая лингвистика» 2012, № 2 (40), с. 54.

¹⁹ Ch. Larson, *Persuasion: reception and responsibility*, Wadsworth Publishing Company, Belmont 1995, с. 15–22; О.С. Иссерс, *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, КомКнига, Москва 2006, с. 160.

угрозы, которые стоят перед человечеством, или вызовы, которые стоят перед человечеством, на первое место поставил соответствующую болезнь — лихорадку Эбола, на второе место — Российскую Федерацию, и только на третье место — «Исламское государство». Мне даже не хочется это комментировать, это печально, это какая-то аберрация в мозгах» (15.10.2014)

Дмитрий Медведев: «Не знаю, какую Конституцию они [западные политики, признавшие временным главой Украины Александра Турчинова — Ж.С.] читали, какие законы, но мне кажется, что это какая-то аберрация сознания, когда легитимным называется то, что по своей сути является результатом мятежа» (24.04.2014)

polityka tej partii [PiS — Ж.С.] demonstrowana jako strategia rozwoju Polski bardziej odpowiada terminowi aberracji politycznej niż strategii. Było by bardzo dobrze żeby PiS chciał się zreflektować i powstrzymać przed jej kontynuowaniem. To byłby gest korzystny dla Polski (19.11.2017)ю

Marcin Kierwiński (PO): Szef MON mówi z dumą, że w Sztabie Generalnym i dowództwie Rodzajów Sił Zbrojnych wymieniliśmy już 90 proc. wyższych oficerów. To świadczy o aberracji umysłowej ministra Macierewicza i o tym, co się dzieje w MON (31.03.2017)ю

Согласно Григорию Тульчинскому²⁰, смысловая структура идеи²¹ представляет собой совокупность описания (как их соответствия реальности), оценок (соответствия реальности цели, образу желаемого будущего) и нормы (как возможности, пути достижения цели). Указание на умственную аберрацию оппонента и элиминация вменяемости реферируемого политического актора позволяет говорящему занять позицию эксперта и выносить оценочные суждения на тему описываемой ситуации. В терминологии Гражины Хабрайской говорящий осуществляет аксиологическую персуазию, целью которой является изменение ценностной ориентации и оценочной перспективы адресата²².

2. Сильновоздействующим средством, служащим реализации указанной интенции и влияющим на эмоционально-образную рецептивную сферу адресата, является метафорическая модель

²⁰ Г.Л. Тульчинский, *Идеи: источники, динамика и логическое содержание* // Т.В. Артемьева, М.И. Микешин (ред.), *Философский век. Альманах*. Вып. 17: *История идей как методология гуманитарных исследований*, ч. 1, Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, Санкт-Петербург 2001, с. 28–58.

²¹ Исследователь писал о развитии научной идеи, однако представляется, что подобный когнитивный каркас можно перенести и на почву генерирования социально-политической идеи.

²² G. Habrajska, *Naklanianie, perswazja...*, с. 114.

умственного расстройства. Морбальная метафора, т.е. разновидность структурной метафоры (в классификации Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона²³), представляющая собой сегмент семантического поля «патология» и разворачивающаяся по сценарию «общество — больной организм», «субъект политической власти — больной человек», относящаяся к доминантным для политического дискурса метафорическим моделям, осуществляется за счет использования разноуровневых единиц, называющих состояния (*интоксикация, галлюцинация, бред; галлюцинировать, бредить, грезить, ширнуться*), диагноз (*психоз, шизофрения*), нездоровых людей (*душевнобольной, шизофреник, припадочный, сумасшедший*), одурманивающие средства и эффект их действия (*галлюциногены, шизоидная ин-формация, миражи*):

Андрей Пионтковский: Риторика Путина в духе уголовного: «Не трогайте меня, я припадочный, могу бритвой по глазам и бешеной слюной плюнуть» (31.03.2017).

Все это уже начинает смахивать на сумасшедший дом. Откуда берутся подобные политические галлюцинации, понятно. Людям, в том числе и облеченным властью, не чужды страхи и иллюзии (Б.Ю. Кагарлицкий, *Галлюцинации власти*, 2001).

Генеральная прокуратура успешно изображает на лице синдром Дауна, мэр отбывает в Альпы, а премьер-министр страны (по совместительству национальный лидер) шлет вослед этому альпийскому стрелку поздравительную телеграмму с пожеланием успехов «компетентному и опытному профессионалу» в его ответственной работе (В. Шендерович, *Просьба из людской*, 27.09.2010).

Никто, правда, так и не понял, кого именно они победили, но на шестом месяце бомбометания это было уже неважно. Главное: больной наконец притомился и присел у кадки с фикусом. У него депрессия наступила, хвала небесам, после маниакальной фазы (В. Шендерович, *Фельетон о победе России в Сирии*, 26.03.2016).

К явной аберрации отсылают уже заголовки политических статей: *Галлюциногенный патриотизм аристократического шута* (16.09.2011); *Весенние галлюцинации в украинском политическом цирке* (13.03.2012); *Политика Украины: политика бредя* (02.06.2015); *Бред сумасшедшего: В Европе раскрыли —*

²³ G. Lakoff, M. Johnson, *Metafory w naszym życiu*, пер. Т. Krzeszowski, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1988, с. 26.

Россией управляет Мировое правительство! (15.06.2017); *Генератор либерального бреда*, (28.10.2017); *Политики бредят, ВСУ — действуют: как Киев использует конфликт в Луганске* (23.11.2017) и т.п.

Иллюстративным в плане реализации метафорической модели умственного расстройтва может быть текст Георгия Юрьева *Королевство галлюцинаций*, в котором автор (доктор медицинских наук, кандидат психологических наук) метафору политической аберрации разворачивает в детальном сопоставлении с ее клинической формой:

Этот текст — о сходствах и различиях причин и проявлений галлюцинозов у больных шизофренией и у тех психически здоровых людей, которые «бесплатно» приобщились к кремлевской системе этической шизофрении с их «ухо-глазным» целительством птичьим молоком вперемешку с соловьиным пометом в ТВ-кисельных берегах под пристальным надзором четырехглазого орла с цепкими когтями авторитарной власти. [...] Галлюцинозу — наплыву «видений» и «голосов» при сохранении сознания предшествуют, как правило, состояния тревоги, страха, беспокойства, появление бредовых идей типа «кругом враги, экстремисты, обиженная русская духовность». Галлюцинозы [...] могут возникать у здоровых людей под воздействием сильных негативных или позитивных переживаний эмоционального или физического характера как искажение реальных событий типа «распятый мальчик, Крымнаш, Николай II и Матильда» или как иллюзий о чем-то (Г. Юрьев, *Королевство галлюцинаций*, 01.11.2017).

Вся российская политсистема — институционализированный бред. [...] Россия бредит, кричит и мечется в бреду, а эти нечленораздельные крики принимаются за осмысленную речь. В больном обществе, тот кто поставит диагноз, рискнет сам попасть в категорию сумасшедших, как это было с Чадаевым. Норма — всего лишь общественная конвенция. У нас норма — это болезнь. В парадоксальном пространстве бреда живем (А. Бовдунов, *Нет в бреде брода. Политика в России как институционализированный бред*, 16.09.2011).

Понятие номинальной правды соотносится с теорией суппозиции формальной логики²⁴. Суппозиция основана на идее «существования» и корреляции названия с десигнатом или понятием, вне зависимости от его содержания²⁵. Киклевич отмечает, что

²⁴ Z. Ziemiński, *Logika praktyczna*, PWN, Warszawa 1987, с. 27.

²⁵ Ср. Г.Л. Тульчинский указывает на три вида семантического соответствия: 1) адекватность целям (соответствие желаемому результату, нормативному образу); 2) адекватность реальности как истинность или ложность описания; 3) адекватность имеющимся средствам и возможностям (оценка на реализу-

АБСУРД КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ...

суппозиция может соотноситься также с альтернативным по отношению к действительности, мнимым и воображаемым миром в случае номинаций, выполняющих в предложении функцию подлежащего²⁶:

чтобы избавить от иллюзий нашего заблудшего либерального брата, сотни тысяч тех, кто последние два года, зажмурившись, пытались галлюцинировать и мысленно выращивать Медведева до размеров Горбачева. Будем откровенны: этого размера со складов матушки-истории нам в этот раз — не завезли (В. Шендерович, *Под паханом*, 04.01.2011).

Судя по логике нижеследующих конструкций, адресант не предполагает реальной возможности «европейского рая» для Украины, существования Новороссии как независимого государства или зоны свободной торговли с США для России:

В то время, когда власть предпринимает абсолютно необоснованные попытки пробить для Украины членство в Европейском Союзе, мы, коммунисты, предлагаем не бредить «европейским раем», а поднимать былую экономическую мощь страны и выходить на современный уровень развития [...], — уверен Петр Симоненко (22.02.2005).

Путин продолжает бредить о несуществующей Новороссии (29.08.2014).

Хромая политика США: «президент О» бредит санкциями (29.12.2016).

Путин бредит возможными «кровавыми событиями» в стране (30.03.2017).

Путин продолжает бредить о бомбе Ленина (27.12.2017).

Киев продолжает бредить войной (13.10.2017).

Трамп не мешает Климкину бредить зоной свободной торговли с США (06.03.2018).

В случае глаголов *бредить*, *галлюцинировать*, а также *мнить себя*, значение которых включает сему креации и вы-

емость) (Г.Л. Тульчинский, *Стереометрическая семантика логико-семантический синтез истинного, должного и реализуемого* // В.И. Кобзарь и др. (ред.), *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург 1998, с. 371–373).

²⁶ A. Kiklewicz, *Znaczenie a prawda. Fantomy semantyczne*, Centrum Badań Euro- Wschodniej UWM w Olsztynie, Olsztyn 2017, с. 47–48.

мысла, суппозиция именной группы (в позиции дополнения) указывает на существование в возможном мире, созданном благодаря фантазии реферируемого политического субъекта:

Соединённые Штаты также уязвимы, пусть они и мнят себя Хозяевами Вселенной (Э. Лимонов, *Masters of the Universe*, «Известия», 06.06.2014).

Может быть, Путин сегодня и мнит себя Наполеоном — но в силах украинцев и европейцев превратить его крымский триумф в новое Бородино, а Украину — в нормальное европейское государство (В. Иноземцев, *Донецко-луганский референдум дает Украине шанс стать процветающей европейской страной*, «РБК Дейли», 12.05.2014).

Вашингтон совершенно искренне мнит себя мессией, ведущим за собой человечество (А. Баранов, С. Шапкин, *Клинтон открестилась от российских НКО*, «Комсомольская правда», 31.08.2012).

При указании на семантические фантомы публицисты нередко прибегают к приему утрирования, в т.ч. посредством использования тавтологии или плеоназма:

Сейчас гораздо большие средства будут выброшены на так называемых лиц интеллигенции, креативщиков, хипстеров и молодежи. Вот те бабушки, которые способны были поверить в распятого мальчика — с ним уже все, полный порядок. Все их поколение теперь будет бредить этим маразмом (А. Невзоров, *Бредит маразмом*, 18.08.2017).

Результатом аберрационной мыслительной деятельности является *ложь, фальсификация, фантом, мираж, видение*, что коррелирует в современной медийной культуре с понятием *постправды/post-truth* («обстоятельства, в которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем эмоции или личные убеждения»²⁷), названным словом 2016 года по версии Оксфордского словаря²⁸:

А. Кортунов, *Семь фантомов российской политики в отношении ЕС* (07.04.2016).

²⁷ *Что означает слово постправда (постистина)?*, http://www.aif.ru/dont-knows/actual/chto_oznachaet_slovo_postpravda_postistina (15.05.2018).

²⁸ *«Постправда» названа словом года по версии Оксфордского словаря*, http://www.aif.ru/society/science/slovom_goda_po_versii_oksfordskogo_slovary_a_stala_postpravda (15.0.2018). Отметим, что детальный анализ фейкового контента выходит за рамки данной статьи.

С. Стельмах, Крымскотатарский фантом в политике Кремля (11.03.2017).

Вот так и с Конституцией: нам надо прекратить гоняться за м и р а ж а м и и научиться жить по Конституции (С. Сухова, Конституция и революция, «Итоги», 04.03.2003).

Странно и удивительно видеть, как воспринимается ЕС за его пределами: многим кажется, что Евросоюз — это мощная и единая политическая сила, всеобщие гарантии, почти целостное государство. Изнутри же самого ЕС хорошо видно, что подобное представление — это оптическая иллюзия, м и р а ж в пустыне (Ю. Тюрин, Освобождение «Европы наций», «Известия», 26.05.2014).

Как утверждает газета [«Gazeta Wyborcza» — Ж.С.], сейчас в российской столице москвичи не могут купить обычной клубники. А если им выпадает такое счастье, то они едят дорогие гнилые ягоды «с пальмовым маслом, которое отлично подходит для смазки пусковых шахт баллистических ракет». Вот такой, мол, итог крымской истории. Эксперты уверены — такие гастрономические фантазии вызваны страхом поляков, что кроме запрета на импорт продовольствия Москва в скором времени может ограничить продажу на российском рынке и других польских товаров. [...] польские политики лишь подливают масла в огонь паранойи... (От страха поляки начали бредить, 25.06.2015).

В последнем примере обращает внимание использования персуазивного метаоператора (термин Авдеева и Хабрайской²⁹) *мол* в качестве текстового маркера аберрационного контента. В русскоязычных текстах в качестве такого рода модальных единиц выступают лексемы *мол*, *якобы*, *типа*, *дескать* и т.п., а также графические ресурсы — кавычки:

Все это, надо признать, довольно стильно. Типа «невесты», случайно встречающие Путина, типа «народ» на бесконечных «прямых линиях», как бы суды, типа социология, вроде как свободные СМИ. Суть путинской России — фальшак, и «типа выборы» 2016 года (в «типа парламент») дали нам случай насладиться полной гармонией: государство забило болт на народ, — и народ, встречным образом, забил болт на государство (*Шендерович рубанул всю правду о выборах в Госдуму*, 20.09.2016).

3. В медийных текстах функционирует также группа полисемантических знаков, которые в предикативной функции могут отсылать как к реальной сенсорно воспринимаемой действительности (перцептивный план индивида), так и умственной аберрации (нарушения эпистемического характера — индивид воображает

²⁹ См.: G. Habrajaska, *Naklanianie, perswazja, manipulacja językowa...*, с. 117.

иллюзорный мир)³⁰. К лексемам такого характера относятся единицы, означающие восприятие мира посредством органов чувств: кто *видит/слышит/чует/чувствует* что, а также характерная для русского языка аффективная диатеза, при которой субъект психического состояния стоит в форме косвенного дополнения (обычно дательного падежа): кому *видится/слышится/чется* что:

И снова во всем этом Западу видится «рука Москвы» (*Путин развалит НАТО и ЕС?*, 31.07.2016).

«Я не считаю ваши голоса — я их слышу!» — лозунг избирательной кампании лидера ЛДПР Владимира Жириновского 2011 года. Этот двусмысленный слоган, потенциально указывающий на аберрацию политического субъекта, спровоцировал волну сетевого креатива. В «Живом журнале» появилось несколько постов по поводу этого плаката, где Жириновского назвали «Новым Нострадамусом» и «внуком Ванги» и даже предложили принять участие в новом сезоне «Битвы экстрасенсов» (см: *Жириновский слышит голоса и не только*, 18.10.2011, <https://anzoris.livejournal.com/5001.html>).

Рис. 3, <https://readovka.ru/news/24217>

Рис. 4, <http://hronika.info/kurjozy/138523-so-zvezdoy-na-lbu-i-v-kokoshnike-set-vzorvalas-fotozhabami-na-yubiley-zhirinovskogo.html>

К последней группе знаков примыкают единицы, которые однозначно отсылают к воображаемой реальности: *чудится/кажется/мерещится что*.

У Порошенко параноя: ему чудится теракт в столице (26.07.2016).

Заборовский: Трампу кажется, что он справится с Путиным (23.01.2017).

³⁰ A. Kiklewicz, *Znaczenie a prawda. Fantomy semantyczne...*, с. 48–49.

АБСУРД КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ...

Везде мерещится Госдеп (19.10.2014).

Шведам вновь мерещится Полтава (06.02.2016).

Поклонская: Киеву на каждом углу мерещится «рука Москвы» (21.12.2017).

Всюду им «русский след» мерещится (10.03.2018).

Западу мерещится «ползающая Россия» (23.11.2015).

Интересными здесь представляются два приема аксиологической «переориентации» реферируемого контента. Статья *Шведам вновь мерещится Полтава* отсылает к брошюре генерал-майора Андреаса Бреннстрёма, в которой он заявил, что Швеция находится на пороге войны с Россией. Экспликация алогичности такой линии мышления способствует не только употребление глагола «мерещится», но и всей заголовочной конструкции, отсылающей русскоязычного адресата к фразеологизму (*погиб*) как *швед под Полтавой* ‘потерпел сокрушительное поражение’, этимологически восходящему к историческому событию, сохранившемуся в русском культурном сознании как одно из наиболее значительных в национальной истории, — победе в 1709 году русской армии под командованием Петра I над шведскими войсками, которыми руководил Карл XII.

В последнем примере глагол «мерещится» означает ‘желательную для оппонента действительность’. Полярная «перекодировка» реферируемого содержания (с «минуса» ‘слабая, униженная Россия’ — на «плюс») наступает в завершающем блоке текста: «В заключение замечу, что если Россия и ползет на коленях, то только в православных храмах — к Богу, поэтому и сильна».

Желательную, оптимистическую реальность в политических текстах сигнализирует лексема *грезить*, маркирующая ту часть абerratивного дискурса, которая относится к будущему и является несбывшейся проекцией оптимального варианта развития событий:

Румыны грезят о собственной колонии в лице Молдовы, как и поляки мечтают о персональных крепостных украинцах. Когда Польша вступила в ЕС, голодные поляки поехали в Германию мыть задницы ненавистным швабам. Им хочется, в свою очередь, чтобы их задницы мыли украинцы (Д. Асламова, *Почему Молдова рвется в Европу, а гастарбайтеров шлет в Россию*, «Комсомольская правда», 12.11.2013).

Украинцев не то что Гондурас, но даже соседи не беспокоят. О Европе смутно грезят как о рае, но без подробностей (Д. Асламова, *Зачем из Украины делают антироссийский проект. Часть первая*, «Комсомольская правда», 10.04.2013).

Вчера на президиуме правительства снова вернулись к теме, которой российские власти грезят уже давно, — создание международного финансового центра и развитие финансовых рынков (Н. Кузьмина, *Москву опять хотят превратить в финансовый центр*, «Комсомольская правда», 13.02.2013).

Почему западные банкиры грезят о масштабном бунте? Может, им нужны великие потрясения, потому что не нужна великая Россия? (Е. Арсютин, *Кто на радость всем буржуйам мировой пожар раздует?* «Комсомольская правда», 22.10.2012).

4. Нередко при абсурдизации реферируемого контента публицист создает карикатурно-иронический образ субъекта повествования путем нарушения лексико-грамматических и стилистических норм языка. Текстовым сигналом аберрации являются аграмматизмы, в т.ч. своеобразное «сокращение» форм склонения и спряжения (характерное обычно для пародий при изображении речи иностранца), имитирующее здесь недостаточное понимание происходящих вокруг процессов:

До момента получения этого ответа я думал, что понимать читать по-русски. Оказалось: не понимать. Смотреть бумага, тереть глаза, ехать крыша. Много буква, мало мозга смекнуть (В. Шендерович, *Из Недодумца. Часть 6*, 07.03.2006).

От украинской влады тошнит уже весь мир. Они, как бы помягче выскаться, скоро это мир, как Пол Пот Кампучию оприходуют. Тем не менее, материал забавный. Психиатрам приоритет, оттого комментировать не буду. Много букваф (*Бред животных или политика зверинца имени Яценюка*, 12.11.2017).

5. В парадигме современной коммуникативной культуры, характеризующейся не только сфокусированностью на социально-резонансных фактах и открытой социальной оценочностью, «политико-идеологическим модусом» информационного контента³¹, повышением эмоционально-оценочной плотности высказываний, орализацией публичного языка³², установкой на

³¹ Н.И. Клушина, *Стилистика публицистического текста*, МедиаМир, Москва 2008, с. 36.

³² И.А. Стернин, *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века*, Научное издание, Воронеж 2004, с. 13.

раскрепощенность, интертекстуальность, релятивизм и языковую игру³³, но и иконизацией семиосферы, расширением визуальной культуры³⁴ следует отметить и интерсемиотические приемы указания на аберрацию критикуемого политического субъекта. К ним относятся приемы своеобразного «монтажа аттракционов» (термин Сергея Эйзенштейна³⁵), т.е. когнитивного сближения текстов, относящихся к разным дискурсивным сферам-источникам — например, серьезного политического выступления и юмористической миниатюры, где второй текст, репрезентирующий комический дискурс, является отражением в кривом зеркале дискурса серьезной политической коммуникации. Иллюстративным представляется популярный ролик *Кто лучший юморист: Путин или Карцев?*, в котором «синхронным переводчиком» президента является юморист Роман Карцев. Ролик представляет собой «нарезку» чередующихся фрагментов пресс-конференции Путина 2014 года и юморески Карцева 1990-х гг. на текст Михаила Жванецкого *Здесь будет лучше*:

ВП: Очень рад вас видеть в хорошем расположении духа, и думаю, что мы все понимаем, что главный вопрос сегодняшнего дня, который интересует граждан нашей страны, это в каком состоянии находится экономика, национальная валюта, как будет развиваться ситуация в социальной сфере в этой связи. Я попробую очень кратко, несколькими предложениями охарактеризовать эту ситуацию, сказать, как, я думаю, она будет развиваться, после этого пресс-конференцию в принципе можно и заканчивать...

ПК: ...хотелось бы начать дискуссию, как это мы дотянули... А так нет, так нет... У нас будет лучше, невзирая на то, что становится все хуже. У нас будет лучше, только опять не сегодня, только завтра опять...

ВП: Несмотря на все турбулентности на финансовом рынке, федеральный бюджет в этом году будет свёрстан с профицитом, то есть доходы будут превышать наши расходы...

ПК: Рост зарплаты при отсутствии материальной заинтересованности создает невиданный образ жизни, когда деньги роли не играют и их можно

³³ W. Pisarek, *Język w mediach, media w języku* // J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska (red.), *Język w mediach masowych*, Upowszechnianie Nauki — Oświata (UN-O) Warszawa, 2000, с. 9–18; М. Айзенберг, *Власть тьмы кавычек*, «Знамя» 1997, № 2, с. 214–221; М.А. Загibalова, *Феномен карнавализации современной культуры*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Тульский гос. пед. университет им. Л. Толстого, Тула 2008.

³⁴ J. Morbitzer, *Media — zniewolić umysł?*, „Konspekt” 2002, № 11, с. 45-49.

³⁵ Ориг.: С.М. Эйзенштейн, *Монтаж аттракционов*, «Леф» 1923, № 3, с 70–75; см.: В. Забродин, *Монтаж аттракционов, или 90 лет спустя*, http://sias.ru/upload/voprosy_teatra/2016_1-2_281-297_eisenstein.pdf (16.05.2018).

свободно обменять на результаты труда, которые тоже уже никого не интересуют...

(Кто лучший юморист: Путин или Карцев?, 2014, <http://russiahouse-news.info/blogs/yumorist-putin-kartsev>, 16.05.2018).

Zakończyć rozważanie o medialnym sensuobrazowaniu w kategoriach językowego absurdu i konstruowaniu aberracyjnego mediainmidża ideologicznego oponenta, хотелось бы словами философа-просветителя Вольтера: «Торжество разума заключается в том, чтобы уживаться с людьми, лишёнными разума».

Żanna Śladkiewicz

ABSURD JAKO MECHANIZM SENSOTWÓRCZY:
KREOWANIE ABERRACYJNEGO WIZERUNKU MEDIALNEGO
W RAMACH STRATEGII DYSKREDYTACJI

Streszczenie

W artykule rozpatrywana jest zagadnienie medialnego kreowania sensów w kategoriach absurdu językowego. Autorka wzmiankuje zarówno o spontanicznych efektach aberracji spowodowanych wysokim napięciem emocjonalnym lub niską kompetencją lingwistyczną mówiącego, jak i o wypowiedziach kontrfaktycznych. Szczegółowo omawia również werbalne mechanizmy kreowania aberracyjnego wizerunku oponenta ideologicznego, takie jak: strategia nominacyjna (wskazanie na aberrację umysłową podmiotu politycznego), metafora zaburzeń psychicznych, użycie leksemów o znaczeniu kreacji rzeczywistości, użycie czasowników sensorycznych, aberracja językowa postaci narratora i „montaż atrakcji” (Eisenstein).

Żanna Śladkiewicz

ABSURD AS A MECHANISM OF SENSE FORMATION:
CREATION OF THE ABERRATIONAL MEDIA IMAGE WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE DISCREDITATION STRATEGY

Summary

The article deals with media creation of meanings through the use of linguistic absurd. The author mentions the spontaneous effects of aberration caused by high emotional tension or low linguistic competence, as well as counterfactual statements. The verbal mechanisms of creating an aberrational image of an ideological opponent are discussed in detail, such as: nomination strategy (indication of mental aberration of a political subject), metaphor of mental disorders, use of lexemes concerning creation of reality, use of sensory verbs, language aberration of the narrator and “assembly of attractions” (Eisenstein).